

18+

НАТАЛИ БАЙКОВА

Белая лиса для снежного барса

Натали Байкова

Белая лиса для снежного барса

«Издательские решения»

Байкова Н.

Белая лиса для снежного барса / Н. Байкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691191-8

В краю вечной зимы, где правят лёд и проклятие, живёт Астер — король с раздвоенной душой. Его спасение приходит с запахом имбирного пряника из кофейни «У Серебряной Ветки». Открыв дверь раненому барсу, хозяйка Софи впускает в свою жизнь ледяную тайну. Теперь чтобы разорвать путы древнего проклятия, им предстоит понять цену любви и сделать выбор, который изменит саму природу вечной зимы.

ISBN 978-5-00-691191-8

© Байкова Н.
© Издательские решения

Содержание

«Аннотация»	6
Пролог	7
Глава 1 Пряник который пахнет желанием	8
Глава 2. Боль которая знает твоё имя	9
Глава 3 Бег	10
Глава 4. Тот, кто поскребся	11
Глава 5. Глаза зимнего неба	13
Глава 6.Тишина наполненная не высказанным	15
Глава 7. Испытание	17
Глава 8: Тепло общей тайны	19
Глава 9. Быт ставший ритуалом	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Белая лиса для снежного барса

Натали Байкова

© Натали Байкова, 2026

ISBN 978-5-0069-1191-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Аннотация»

В краю вечной зимы, где правят лёд и древние проклятия, одинокий король Астер обречён каждую полную луну становиться зверем, разрываясь между яростью охотника и ужасом жертвы. Его спасение приходит оттуда, откуда не ждали – с запахом имбирного пряника из маленькой кофейни «У Серебряной Ветки».

Софи, хозяйка кофейни, чьё сердце хранит больше тепла, чем её очаг, однажды выпускает в свой дом раненого снежного барса. Она не знает, что за порогом стоит не зверь, а проклятый король, чья судьба навеки связана с трагедией, случившейся в лесах Вал'Нори. И уж тем более не подозревает, что, протянув ему руку, она принимает вызов самого Духа Леса.

Теперь чтобы разорвать путы древнего проклятия, им предстоит пройти через страх и боль, понять истинную цену любви и сделать выбор, который изменит не только их судьбы, но и саму природу вечной зимы.

В краю где метут метели,
Где повсюду лежат снега.
Там у лесной колыбели,
Ждет снежного барса лиса.

Пролог

Бывают раны, которые не заживают. Они лишь покрываются инеем, с каждым годом прорастая в сознание глубже, холоднее, обрастая сосульками памяти и становясь неотъемлемой частью пейзажа души – ледяной и беспощадной.

Моя рана – это тишина в лесной чаще, где должен был звучать смех. Это отпечаток на снегу – не лап, а босых ног моей дочери, обведённый алой каймой.

Он, король из плоти и костей, думал, что ведёт охоту. Он не знал, что моя Белая Лисица водила его в пляс, играя со смертью, как с ледяным шаром. Она смеялась, перепрыгивая тени, а он видел лишь дичь. И когда стрела нашла свою цель, игра оборвалась на полуслове.

Я не стал отнимать жизнь. Зачем? Смерть – это миг. Я подарил его роду вечность. Вечность раздвоения. Пусть его наследник знает и ярость охотника, и ужас добычи. Пусть его душа разрывается меж двух шкур, а сердце помнит то, чего никогда не было. Пусть бежит. Пусть ищет и не находит.

Так длилось долго. Пока однажды ветер не принёс с человеческого порога запах тепла. Не простого тепла от огня. А того, что рождается внутри, когда кто-то печёт не для себя, а для незнакомца в метели.

Этот запах был таким наглым, таким живым, что он заставил моё проклятие споткнуться. И я взглянул в мир людей – и увидел её. Девушку, у которой в душе горел тот же огонёк, что когда-то танцевал в глазах моей погибшей Лисицы. Не безрассудный огонь игры, а ровное, тёплое пламя – готовое согреть, не требуя ничего взамен.

И я понял. Игра действительно начинается снова. Но на сей раз ставка – не жизнь. Ставка – вечность. И ход за тобой, дитя человеческого сердца.

Глава 1 Пряник который пахнет желанием

Воздух в кофейне «У Серебряной Ветки» был густым и сладким, как засахарившийся мёд. В нём плавали три главные ноты: дерзкая, острая – имбирь, тёплая, обволакивающая корица и яркий всплеск мандариновой цедры. Для Софи этот запах был не просто ароматом выпечки. Он был стеной кирпичик за кирпичиком, возведённой между ней и тишиной пустого вечера, холодом за окном, и тем чувством, которое она не хотела называть одиночеством. Она называла его «предрождественской тишиной».

Софи погасила неоновую вывеску над дверью, погрузив улицу в синеву сумерек. Основные заказы были выполнены, подносы пусты. Осталось последнее, самое важное. Не для продажи.

На прилавке лежал один-единственный пряник. Не идеальный, слегка кривоватый, с ручной росписью серебряной глазурью в виде спирали – символа поиска «Пряник-желание». Глупая, детская традиция, в которую она упрямо верила. Каждый год в канун самой долгой ночи она пекла его, вкладывая в замес одно-единственное, самое честное желание. В прошлом году она загадала найти потерянную серёжку – крошечную серебряную снежинку, последний подарок бабушки. Три дня спустя она заметила её, блеснувшую на самом видном месте на крышке рояля, будто её там аккуратно положили. А она точно помнила, что обыскала всё. Совпадение? Возможно. Но Софи предпочитала верить в совпадения, у которых есть вкус и запах.

В этом году желание пришло само, нахальное и щемящее. Оно жило у неё в груди с тех пор, как первый снег укутал город. Она закрыла глаза, прижала ладони к тёплому прянику, ещё хранящему жар печи, и прошептала в почти остывший воздух кухни:

– Хочу, чтобы хоть кто-то... кто-то один в этом холодном мире нашёл сегодня своё тепло. Которое согреет его изнутри. Слова повисли в воздухе, смешавшись с запахом корицы. На миг ей стало неловко от этой сентиментальности. Но тут же стало легко. Как будто она выпустила на волю маленькую, светящуюся бабочку.

Она аккуратно завернула пряник в вощёную бумагу и понесла его к задней двери, что вела в крошечный дворик, уже по колено заваленный снегом. Холод ударил в лицо, заставив вздрогнуть. Здесь, в тишине переулка, предрождественское волшебство чувствовалось иначе – как звенящая, хрустальная пустота. Она положила свёрток на старую каменную скамью, как подношение. Пусть ночь заберёт его. Или ветер. Или тот, кому оно предназначено.

Вернувшись внутрь, она щёлкнула замком. Кофейня наполнилась иной тишиной – тёплой, безопасной, её собственной. Она потушила основные светильники, оставив только гирлянды, обвивавшие балки, и свет настольной лампы у камина. И уже было приготовилась к своему вечернему ритуалу: книга, плед, чашка ромашкового чая. Как вдруг сквозь завывание ветра в трубе, она услышала это.

Ш-ш-ш-шк. Тихий, скребущий звук у самой двери. Не похожий на ветку. Более целенаправленный.

Софи замерла, пальцы сжали угол страницы. Взгляд упёрся в деревянную дверь, за которой бушевала метель. Сердце сделало один громкий, тревожный удар.

«Просто ветер», – сказала она себе. – Просто старый дом скрипит. Никто не придёт сюда в такую ночь».

Она натянула плед на плечи, решительно углубившись в книгу, стараясь не вслушиваться. Но в тишине её тёплого, пахнущего пряностями мирка этот звук был таким же инородным и неотвратимым, как трещина на тонком льду под ногой.

Глава 2. Боль которая знает твоё имя

Там, где кончался мир из камня и асфальта, в самую длинную ночь, случалось одно и то же.

Астер стоял у высокого окна своего кабинета во Дворце Вал'Нори. За стеклом, не запотевшим никогда, клубилась вечная метель. Но он смотрел не на снег. Он смотрел на своё отражение. На знакомые черты, которые с каждым годом казались ему всё более чужими. Король. Пустой титул для того, кто не властен даже над собственным телом.

Он знал, что время пришло. Это чувство было похоже на внутренний мороз. Сначала – лёгкий озноб под кожей, будто в жилах начинала течь не кровь, а ледяная вода. Потом – глухая ломота в костях, предвестник того, что они скоро начнут менять форму. Он сжал пальцы на холодном подоконнике из чёрного обсидиана, пытаясь удержаться в этой форме, в этом разуме. Это был ритуал отчаяния, и он знал, что проиграет.

Первая волна накрыла его, заставив согнуться пополам. Сухой, болезненный хруст раздался в абсолютной тишине комнаты. Это было похоже на то, как ломается лёд на слишком глубоком озере где-то внутри него. Он застонал, и звук вышел хриплым, чужим. В глазах помутнело. Отражение в стекле поплыло.

Он оттолкнулся от окна и попытался дойти до кресла у камина, где огонь не горел уже много лет. Не дошёл. Вторая волна повалила его на колени. Костяшки пальцев побелели от напряжения, упираясь в ледяной паркет. Теперь боль была везде. Она перекраивала его изнутри. Мышцы наливались неестественной силой, кожа на спине натягивалась, угрожая разорваться, а в висках стучал один-единственный, навязчивый образ. Белая Лиса.

Её силуэт мелькал в углах зрения, слышался её смех – звонкий, дразнящий, полный той самой жизни, которую у неё отняли. Этот образ был частью проклятия. Он был приманкой и кнутом одновременно. Он заставлял зверя в нём рваться в погоню.

– Нет... – прошептал он, и это было последнее членораздельное слово, которое он смог произнести в эту ночь.

Третий удар лишил его дара речи. Горло сжалось, выдавив хриплый пред рык. Он упал на пол, уже не король, а комок содрогающейся плоти. Мир сузился до боли и нарастающего белого шума в ушах, который вот-вот должен был заглушить последние остатки мысли.

И когда боль достигла пика, наступила странная пустота. На мгновение. А затем – пробуждение в другом теле.

Сознание Астера, словно путник, выброшенный на незнакомый берег, очнулось внутри Барса. Он чувствовал мощь в лапах, острый холод на мокром носу, нечеловечески чуткий слух, улавливающий шепот метели за стенами дворца. Но он был пленником. Он видел глазами барса, как его собственные лапы понесли его вон из комнаты, с ледяных ступеней – в заснеженный лес. Он чувствовал, как в звериной груди вспыхивает знакомый, всепоглощающий ужас.

И где-то впереди, между чёрными стволами древних елей, мелькнул белый, пушистый хвост. Лисица.

И погоня началась. Не охота. Бегство. Бегство от того, кто гнался за ним в его же собственном разуме. Лапы барса взрывали снежную целину, грудь хрипела на морозном воздухе. Астер-человек где-то глубоко внутри кричал от бессилия, в то время как Астер-зверь нёсся сквозь ночь, ведомый лишь древним, проклятым инстинктом.

Глава 3 Бег

Он бежал. Лапы вязли в снежных сугробах, лёд звенел о когти. За спиной – призрачный топот и хриплое дыхание того, кто гнался за ним всю его жизнь. Он не знал, кто это. Он знал только страх и всепоглощающее желание убежать.

Лес Вал'Нори проплывал мимо смутными пятнами: чёрные когти елей, хватающие бледное небо, зеркала замёрзших озёр, в которых тонул лунный свет. Всё это он знал наизусть. Каждый сугроб был вехой на карте его личного ада. Он бежал по кругу. Вечному, проклятому кругу.

Впереди – лишь белая пелена метели и вечный, пронизывающий холод.

Силы покидали его, как вода из треснувшего кувшина. Мысли, те редкие островки человеческого разума, что ещё держались в сознании барса, гасли одна за другой. Оставался только животный ужас. И холод. Всепроникающий, костный холод, который жил в нём даже в человеческом облике, а сейчас вымораживал всё дочи́ста.

Его лапы сами начали заплетаться. И в этот миг, на грани падения, когда тьма уже потянулась к нему из-под снега холодными пальцами, он почувал запах.

Не просто запах. А воспоминание о тепле. Точнее, обещание его. Оно висело в ледяном воздухе сладкой, теплой нотой. Нотой мёда, специй и дома.

Инстинкт, сильнее страха, заставил его свернуть. Прочь от знакомых троп, прочь от своего проклятого королевства.

Он бежал, не разбирая дороги, ломая кусты, падая и снова поднимаясь. Мир вокруг поплыл, цвета смешались. Граница между Вал'Нори и где-то ещё истончилась до состояния тумана, и он, не раздумывая, кинулся в эту брешь.

Было ощущение падения сквозь слои льда. А потом – удар. Жёсткий, чужой. Он зарылся мордой в груды выпавшего снега, уже другого, серого и грязного. Грохот города, резкие запахи металла, бензина и чего-то кислого ударили в ноздри, слегка оглушив. Он лежал, не в силах пошевелиться, вслушиваясь в отдалённый рёв машин. И снова – тот запах. Теперь он был ясным, почти осязаемым. Прямо здесь. Сладкое дыхание имбиря. Глубокий, сонный шлейф корицы.

Он поднял голову. Перед ним, в узком переулке, засыпанном снегом, свети́лось окно. Золотистый, тёплый свет лился из него, разгоняя синеву зимнего вечера. Над дверью висела вывеска, почти нечитаемая под шапкой снега: «У Серебряной Ветки».

Дверь была всего в десяти шагах. Десять шагов через колючий, враждебный мир. У него не оставалось сил даже встать. Но запах звал. Кричал. Обещал.

Он сделал последнее, на что был способен. Вытянул вперёд окровавленную лапу и, цепляясь когтями за скользкую землю, пополз. Клочок за клочком, оставляя за собой алый след на белом снегу. Он дополз до самой двери, до щели, откуда лилось тепло. И тихо, жалобно, как зверёк в капкане, поскрёбся.

Внутри на мгновение стихли шаги. Потом послышался щелчок замка.

Глава 4. Тот, кто поскребся

Щелчок замка прозвучал для Софи громче, чем любой удар грома. Палец сам собой потянулся к задвижке, но разум кричал: «Не надо! Не открывай! Запрись наглухо!»

Она замерла, прислушиваясь. Снаружи стояла тишина. Даже ветер на мгновение затих. Потом – едва слышный шорох, звук тяжелого тела, сползающего по дереву двери.

Уйди. Пройгнорируй. Это не твоя проблема. Как эхо пронеслось в её голове. Но её тело уже двигалось, ведомое чем-то более древним, чем страх. Она медленно, сантиметр за сантиметром, отодвинула засов и потянула дверь на себя.

Холодный воздух со снежной пылью ворвался внутрь, заставив гирлянды качнуться. И на пороге, в прямоугольнике тусклого уличного света, она увидела его.

Это был не уличный пёс. Это было создание из другого мира, словно из сна. Огромное, серебристо-белое, засыпанное снегом. Он лежал, подогнув под себя окровавленную лапу, а голова его тяжело покоилась на каменном пороге. Шерсть на боку была темной от запекшейся крови и грязи, ребра ходили ходуном от прерывистого, хриплого дыхания.

Но больше всего её поразили глаза. Полные такой немой, вселенской усталости и боли, что у неё внутри что-то сжалось. В них не было злобы. Не было дикой ярости ожидаемого хищника. В них было признание в собственном бессилии. И вопрос. Тихий, как шепот: «Ну?»

Софи на миг затаила дыхание. Страх сжал горло холодным комом. Но поверх него, стремительно и неудержимо, поднималось другое чувство. Несогласие. Несогласие с тем, чтобы такое величественное, прекрасное существо умирало у её порога. В ночь, когда она загадала, чтобы кто-то нашёл тепло.

«Глупо, глупо, это безумие», – пронеслось в голове. Но её ноги уже шагнули вперёд. Она присела на корточки, медленно, чтобы не спугнуть.

– Тише, – прошептала она, и голос её звучал совершенно спокойно. – Теперь всё хорошо.

Барс не двинулся. Только зрачки сузились, следя за её рукой. Она протянула руку ладонью в верх, – сделав жест, который использовала для пугливых кошек во дворе. Он принялся, горячее дыхание опалило её кожу. Потом медленно, с невероятным усилием, он приподнял голову и ткнулся холодным, мокрым носом в её ладонь. Доверчиво. Безднадёжно. Этот жест решил всё.

Ты пришёл ко мне, – пронеслось у неё в голове с внезапной, пугающей ясностью. – Значит, я впусти. – Ладно, – сказала она уже твёрже, голос почти не дрожал. – Ладно, большой. Давай. Она встала и распахнула дверь шире. – Заходи. Только... постарайся не оставить на полу всю снежную пыль с улицы. Полы я сегодня мыла.

Барс, будто поняв, сделал невероятное усилие. Он поднялся на трёх дрожащих лапах и, ковыляя, переступил порог. Капли алой крови упали на выскобленные дубовые доски. Он прошёл в комнату и рухнул там, как подкошенный, тяжело дыша.

Работы предстояло много. Она зажгла все лампы в маленькой подсобке, где хранились запасы муки и специй. Расстелила на полу старое стёганое одеяло. Принесла таз с тёплой водой, чистые полотенца, ножницы и свою домашнюю аптечку.

Очищать рану было страшно. Но барс лежал неподвижно, лишь глухо рычал, когда боль становилась нестерпимой. Он смотрел на неё через полуприкрытые веки, и в его взгляде было странное, почти человеческое терпение. Она промыла порез казалось, от когтей или льда, посыпала рану антисептиком и наложила тугую повязку из разорванной на полосы простыни.

– Герой, – пробормотала она, завязывая узел. – Настоящий герой.

Когда самое страшное было позади, она принесла из кухни миску с тёплым молоком и поставила перед ним. Он лениво лакал, и звук этот был таким домашним, таким невероятным

в её тихой подсобке, что она невольно улыбнулась. Потом она вспомнила про пряник. Тот самый, что лежал на скамье.

Она вышла во двор, прихватив фонарик. Свёрток лежал на скамье, уже припорошенный свежим снегом. Софи отнесла его внутрь, развернула и, отломив большой кусок, положила перед барсом. – На, – сказала она. – Съешь. В нём... там кое-что особенное есть. Должно помочь.

Барс медленно понюхал пряник, потом взял его в пасть. Хруст был удивительно громким. Он съел, облизнулся и издал звук, похожий на глубокий, довольный вздох. Потом его веки окончательно сомкнулись.

Софи придвинула кресло поближе к камину и укуталась в тёплый плед. Веки слипались, но разум отказывался отключаться. Каждый шорох, каждый вздох барса тут же находил отклик в её напряжённом слухе. Она не спала. Она охраняла эту непрочную тишину, это чудо на одеяле посреди её обычной жизни.

В маленькой комнатке пахло теперь не только корицей и имбирём, но и мокрой шерстью вперемешку с кровью. Огонь в камине тихо потрескивал, отбрасывая на стены пляшущие тени. А на полу, на старом одеяле, у самого очага, спал снежный барс, положив огромную голову на лапы. Его бока ровно вздымались и опускались в такт с шипением поленьев.

Софи смотрела на него и думала, что её мир никогда уже не будет прежним. И, к своему удивлению, она не боялась этого. Она чувствовала тихое, щемящее предчувствие чуда.

Ночь за окном была всё так же длинна и холодна. Но здесь, внутри, было тепло.

Глава 5. Глаза зимнего неба

Сон, когда он наконец настиг Софи, был тревожным и прерывистым. Она просыпалась от каждого шороха, от каждого изменения в ритме дыхания за стеной пламени. Но барс спал, тяжёлым, целительным сном, и постепенно её веки слипались всерьёз. Её разбудил не звук, а изменение тишины.

Тишина в комнате была иной. Тяжёлое, звериное дыхание сменилось ровным, человеческим. Тревога кольнула её сердце, прежде чем она успела открыть глаза. Она резко подняла голову.

На старом одеяле у камина лежал не барс. Лежал мужчина. Он был бледен, как первый снег за окном, его волосы цвета тёмного серебра, спутанные и влажные, рассыпались по плечам. На нём были только просторные, чужеродного покроя штаны из грубой ткани, заляпаные грязью и подпалённые у колена. Его тело было истощённым, но в очертаниях плеч и рук угадывалась привычная мощь. Повязка, которую она наложила прошлой ночью, теперь туго обвивала его человеческое предплечье.

Но больше всего её поразили глаза. Он уже не спал. Просто лежал и смотрел. Его глаза были кристально – голубого цвета – чистыми и глубокими, как небо в безветренный зимний день. В них не было ни угрозы, ни страха. Было понимание того, как он здесь оказался. И благодарность. И бездонная усталость.

Софи не двинулась с места. Не вскрикнула. Она просто смотрела в ответ, чувствуя, как в ней медленно тает лёд шока, уступая место потоку немых вопросов. Ты? Это был ты?

Мужчина медленно, с видимым усилием, приподнялся на локте. Мышцы на его лице дрогнули от боли. Он кивнул. Один раз. Коротко. Как будто отвечая на её невысказанный вопрос.

Потом его взгляд скользнул по поленице у камина, по сложенной на табурете её кофточке, по двери, ведущей в её мир – мир запаха кофе и звона посуды. И снова вернулся к ней. В его взгляде появился вопрос. Тихий и неуверенный. Можно мне остаться?

Софи обвела взглядом комнату. Свои полки с мукой и специями, банки с вареньем. Привычный, пахнущий медом и корицей мирок.

Старое одеяло. Свое кресло, в котором она провела ночь. Потом снова посмотрела на него – на этого незнакомца с глазами зимы, который ещё вчера был барсом, а сегодня стал... кем? Гостем. Загадкой.

Она вздохнула. Звук вышел дрожащим. – Ладно, – прошептала она. – Оставайся.

Софи встала, чувствуя, как затекли мышцы. Подошла к полке, достала чистую кружку. – Я поставлю чайник», – сказала она уже громче, не глядя на него, как будто это было самое обычное утро и самый обычный гость. – Ты, наверное, хочешь пить.

Он не ответил. Только следил за её движениями, пока она наливала кипяток в заварочный чайник. Аромат ромашки, мяты и свежего имбиря мягко заполнил кухню.

Софи поставила две кружки на маленький столик у камина – одну рядом с собой, другую, напротив. – Садись, – сказала она, не глядя на него.

Мужчина поднялся с одеяла, движение было осторожным, полным скрытой боли, и опустился в кресло. Он сидел непривычно прямо, как гость на аудиенции, положив ладони на колени. Его взгляд скользнул по кружке, по её рукам, сложенным вокруг её собственной чашки, и упёрся в язычки пламени.

Тишина длилась долго. Но теперь она была не шоковой, а натянутой, готовой порваться от первого же слова.

– Меня зовут Софи, – наконец сказала она, нарушая молчание. Голос прозвучал громче, чем она ожидала.

Мужчина медленно перевёл на неё взгляд. Его кристально-голубые глаза замерли на её лице, словно изучая его. – Астер, – выдохнул он. Его голос был низким, хриплым от долгого молчания и, возможно, от боли.

Он больше ничего не добавил. Ни оправданий, ни объяснений. Просто – Астер. Одно слово, прозвучавшее как тихая клятва или отпечаток в воске. И в нём заключалось всё, его сущность, его история и – самое главное – дарованное ей право это имя услышать.

Софи кивнула, как будто только что заключила важное соглашение. – Астер, – повторила она, пробуя звучание. – Чай остывает.

Он послушно взял кружку, пальцы его осторожно обхватили фарфор. Он не пил. Просто согревал руки. И в его глазах, пристально смотрящих поверх края чашки, тронулся не просто лёд. Появилась первая, крошечная трещина доверия.

Глава 6. Тишина наполненная не высказанным

Дни, последовавшие за тем утром, выстроились в странный, новый порядок. В доме Софи появилась тихая тень по имени Астер.

Он почти не говорил. Его язык состоял из кивков, взглядов и тихих, точных движений. Он усвоил правила её маленькой вселенной быстрее, чем кто-либо. Его присутствие ощущалось в идеально сложенных у камина поленьях, в безупречно чистом полу, вымытом ещё до рассвета, в приглушённом звуке ножа, нарезающего яблоки для штруделя. Он занимал как можно меньше места, но заполнял собой всю тишину.

Софи не спрашивала. Вопросы – острые, жгучие, о том, кто он и откуда, – стояли в горле комом. Но она видела, как он вздрагивает от резких звуков, как его взгляд замирает на узорах инея на окне, будто читая в них тайные письма. Спрашивать было всё равно, что ткнуть пальцем в открытую рану. Вместо вопросов оставались дела. И молчание.

По вечерам, когда кофейня замирала, они сидели у камина. Она – в кресле, укутанная в плед, с книгой, которую перечитывала в пятый раз, но не могла запомнить ни строчки. Он – на полу, прислонившись к стене, неподвижный, как изваяние. Он смотрел в огонь, а она – на него, стараясь не быть замеченной. Она изучала резкую линию его скул, серебристо-пепельный цвет волос, спадающих на плечи, и особенно – руки. Длинные, сильные пальцы, лежащие на коленях, и странные, едва заметные шрамы, похожие на старые ожоги или следы от... когтей. Она гадала, как он их получил, но вопрос так и оставался невысказанным, растворяясь в потрескивании поленьев.

Иногда их взгляды встречались. И он ловил себя на том, что наблюдал за ней – за тем, как она варит кофе, как поправляет полку со специями. И тогда в его кристально-голубых глазах, обычно пустых и отстранённых, вспыхивало что-то живое. Любопытство. Растерянность. Мгновенная паника, которую он тут же хоронил, резко отводя взгляд в сторону, будто пойманный на воровстве. Она в ответ делала вид, что ничего не замечала, но щеки её слегка розовели.

Однажды ночью её разбудил не звук, а изменение в самой ткани тишины. Не стон, а сдавленное, хриплое дыхание, вырывавшееся сквозь стиснутые зубы. Софи застала его в подсобке.

Астер сидел на полу, залитый холодным лунным светом. Его тело было скрючено в неестественной позе, руки впивались в плечи так, что белели костяшки пальцев. От него исходила волна чистого, животного страдания. Это не была боль от раны. Это было что-то глубже, что-то, сидящее в самих костях.

«Что с тобой?» – хотела было спросить Софи, но слова застряли в горле. Вопросов он не любил.

Вместо этого она повернулась, прошла на кухню и налила в кружку тёплого молока. Капнула мёда – старого проверенного средства от всех бед. Вернулась и поставила кружку на пол в шаге от него. – Пей, – сказала она тихо. – Может, полегчает.

Он медленно поднял голову. Его глаза в полумраке казались не голубыми, а светящимися, как у зверя, пойманного в свете фар. В них плавала такая бездонная боль, что у неё перехватило дыхание. Он посмотрел на кружку, и преодолевая сопротивление собственных мышц, разжал одну руку дрожащими пальцами и потянулся к кружке. Он пил жадно, большими глотками, как будто глотал само тепло, саму возможность быть просто человеком.

Он не сказал «спасибо». Не извинился за беспокойство. Но когда кружка опустела, и он поставил её на пол, его дыхание выровнялось, а плечи расслабились. И тогда он снова посмотрел на неё, в его глазах не было уже той животной паники. Было лишь изумление. Глубокое,

неподдельное изумление. Он не ожидал, что кто-то увидит его вот таким – сломленным, неконтролируемым – и в ответ не убежит, не станет допрашивать, а просто принесёт молока.

Он кивнул. Коротко. И этот кивок в их безмолвном словаре вдруг приобрёл новый, гораздо более тяжёлый вес. Он значил: «Ты видела меня вот таким. И не испугалась.»

Софи ничего не сказала. Просто забрала пустую кружку и ушла в свою маленькую спальню за кухней, оставив его наедине с луной и его личной бездной.

Но с той ночи в её жизнь вошло что-то новое. Она не знала названия. Не знала причин. Но она стала подсознательно отмечать дни. Дни, когда он становился тише, когда тень под его глазами густела, когда он избегал её взгляда, будто скрывая приближающуюся бурю, которую чувствовал только он. Она не спрашивала. Она просто запоминала ритм его немой боли.

И с каждым таким отмеченным в тайне днём тихая нить между ними становилась крепче. Она была сплетена не из слов, а из вовремя поданной кружки, из встреченного и не отведённого взгляда, из общего, невысказанного знания, что в нём живёт чудовище, о котором нельзя говорить вслух.

Так, в тишине, наполненной невысказанным, между хозяйкой кофейни и королём с раздвоенной душой росло нечто большее, чем простая привычка. Это была связь. Связь, не требующая слов и крепче любого договора.

Глава 7. Испытание

Ночь пришла не одна. Она пришла с полной луной, которая висела в чёрном небе, как огромный серебряный шар. Её свет лился в окна не лучом, а сплошной, молочной пеленой, заливая всё внутри мертвенным сиянием.

Софи видела её в окно, пока мыла последние кружки. Её взгляд скользнул по комнате и как раз в этот миг Астер, убирающий стулья, замер на полпути, уставившись в ту же точку. Его лицо превратилось в бледную маску, по которой пробежала трещина животного ужаса. Он бросил стул и, не сказав ни слова, скрылся в подсобке. Дверь закрылась с тихим, но окончательным щелчком.

Он не вышел к ужину. Не вышел, когда она гасила свет. Тишина за дверью была тяжёлой, напряжённой до предела. Она легла в постель, но сон не шёл. Софи тихо лежала и прислушивалась.

Сначала был глухой, болезненный хруст, как будто кто-то ломал толстые ветки. Потом – приглушённый, захлёбывающийся выдох, полный такой боли, что у неё сжалось сердце. А затем последовало – молчание. Страшнее любого звука.

Софи встала. Ноги были ватными. Разум кричал остаться в комнате, запереться, спрятаться под одеяло. Но что-то другое, то самое, что заставило её открыть дверь барсу, повлекло её от кровати – к двери в подсобку. Она шла сквозь тёмную кухню, и каждый шаг отзывался в ней гулким эхом, словно она ступала не по полу, а по краю бездны.

У двери в подсобку она остановилась. Из-под неё сквозь узкую щель лился лунный свет, и доносились звуки. Шорох. Частое, хриплое дыхание. Низкий, вибрирующий гул, похожий на рычание, но более глубокий, исходящий из самой груди.

Она протянула руку. Коснулась холодной ручки. Вдохнула так, будто это был её последний вдох. И открыла.

Луна освещала комнату ледяным, беспощадным светом. И в центре этого света, на том самом старом одеяле, был он. Но это был не человек. И не совсем тот барс, которого она видела в первую ночь. Это было преобразование в процессе. Его человеческое тело было искажено судорогой, мышцы двигались под кожей, как живые змеи. Кожа на спине натягивалась и трескалась, не кровью, а странным серебристым светом, из которого прорастала густая, белая шерсть. Его лицо было искажено гримасой нечеловеческих мук, но его кристально голубые глаза, были полны такого осознанного ужаса и стыда, что у неё перехватило дыхание. Он видел её. Он видел, что она видит все.

И в этот миг, длящийся вечность, в его груди вырвался тот самый гул – и превратился в предупреждающий рык. Не яростный. Молящий. «Уйди. Не смотри на меня таким.»

Инстинкт самосохранения, древний и оглушительный, ударил в виски. Беги. Всё её тело напряглось для побега. Но её ноги не двинулись с места. Она видела в его глазах не зверя. Она видела Астера. Того, кто мыл её полы. Кто вздрагивал от громкого звука. Кто пил молоко из её кружки в ночи боли. Она видела его стыд. Его мольбу.

И в ответ на рык, на этот ужасающий процесс, на ломку костей у неё на глазах, Софи сделала шаг. Не назад, к безопасности. Вперёд, через невидимую границу страха. В лунный свет, что лежал между ними как серебряный мост, прямо к нему.

– Тише, – сказала она, и её голос, тихий, но твёрдый, разрезал ледяной воздух комнаты. – Всё хорошо, Астер. Всё хорошо.

Превращение не остановилось. Оно достигло пика. Барс – уже почти целый, могучий, с глазами, в которых теперь бушевала дикая, неконтролируемая ярость и страх, – встал на все

четыре лапы. Барс был огромен, прекрасен и смертельно опасен. Он повернул к ней голову, обнажив клыки в немом оскале.

Софи замерла. Сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Но она не отводила взгляда. Она смотрела ему прямо в глаза, в ту синюю бездну, которая ещё минуту назад была человеческой.

– Я знаю, – прошептала она. – Я знаю, что это ты. И я не боюсь. И, медленно, чтобы не спровоцировать, опустилась на колени. А после медленно протянула руку – не для того, чтобы коснуться, а ладонью вверх, как в самую первую ночь. Жест доверия.

Барс зарычал, низко, предупреждающе. Потом понюхал воздух. Его ноздри задрожали. Он учуял её. Запах корицы, имбиря, домашнего очага и той самой непоколебимой, тихой силы, что не позволила ей сбежать.

Рык затих. Он сделал шаг вперёд, его могучая голова наклонилась. Холодный, мокрый нос коснулся её ладони. Точно так же, как тогда. И в этот миг что-то щёлкнуло. Не в комнате. В них. Ужас отступил, оставив после себя дрожь, опустошение и что-то новое, хрупкое и невероятно прочное.

Барс тяжело опустился на пол, положив голову на лапы. Его взгляд уже не был диким. В нём была вселенская усталость и.. благодарность. Он закрыл глаза.

Софи не ушла. Она не отступила ни на шаг. Сбросив плед с плеч, она опустилась – на старое одеяло, прямо рядом с огромным, тёплым телом. Осторожно, как бы боясь разбудить боль, обняла его за мощную шею, погрузив пальцы в густую, холодную от пота шерсть. Барс издал – не рык, а глубокий, дрожащий выдох – и прижался головой к её колену.

Она не говорила. Просто гладила его, медленно, ритмично, пока её собственное дыхание не слилось с его, а тревожный блеск в его глазах не угас, сменившись тяжёлой, целительной дремотой. Так они и уснули – два одиночества в круге лунного света: она, обнявшая его шею, и он, доверивший ей свой сон.

Теперь всё было иначе. Не было тайны. Не было невысказанного. Была правда. Ужасающая, волшебная, непонятная правда, которая лежала теперь между ними не как спящий зверь, а как зверь, к которому она прикоснулась. И который ей это позволил.

Глава 8: Тепло общей тайны

Тишина после полнолуния была густой, и абсолютно новой. Она была похожа на ту, что наступает после долгого плача, когда все слезы выплаканы, а внутри остается только пустое выжженное пространство – усталое, но чистое, готовое принять что-то иное. пусто, готово принять что-то новое. В этой тишине не было напряжения. Было лишь безмолвное понимание, общее для них двоих.

Астер больше не прятался в подсобке после закрытия. Они сидели у камина, но теперь по-другому. Не по разным углам комнаты, а рядом. Софи – в своём кресле, Астер – на широком мягком пуфе у её ног. Между ними на низком столике стоял деревянный поднос.

На нём – две глиняные кружки, из которых тянулся вверх прозрачный, почти не видимый пар, несущий успокаивающий аромат лаванды, мелиссы и капельки мёда. Рядом, на маленькой расписной тарелочке, лежали три тёмно-золотистых имбирных пряника, ещё тёплых от печи.

Софи протянула Астеру один. Он взял, его пальцы на миг коснулись её. Руки его больше не дрожали. Он отломил кусочек, задумчиво прожевал. Софи наблюдала, как суровые линии его лица смягчаются под воздействием простых вещей: тепла, сладости, покоя.

– Спасибо, – сказал он тихо. Его голос был низким и немного хриплым, – За пряник. За... всё.

Она кивнула, обхватив свою кружку ладонями.» – Расскажи, если захочешь», – произнесла она так же тихо, глядя не на него – Ничего не должно остаться в темноте. Особенно после такой ночи.

Огонь трещал, отбрасывая на его профиль прыгающие тени. Пламя играло отсветами в его светлых, почти серебряных волосах, превращая их в подвижное сияние. Астер смотрел в огонь, и казалось, он собирал слова не с языка пламени, а прямо из горящего сердца этой ночи.

– Его звали Лоренс, – начал он наконец. Имя прозвучало с той же холодной, отточенной чёткостью, с какой его владелец, должно быть, отдавал приказы. – Он был не просто охотником. Он был Королем Севера, правителем Вал'Нори. И он верил, что сила даёт право не только править, но и брать. Всё самое красивое, редкое, дикое должно было украшать его залы или лежать у его ног в качестве трофея.

Он отломил ещё кусочек пряника, разглядывая его, будто в тёмных крапинках специй видел карту своего проклятия.

– До него дошли слухи о Белой Лисице. Не просто звере. О существе, чья шкура светила изнутри, а следы вели в никуда. Для Лоренса это был вызов. Венец его коллекции. Доказательство, что даже магия леса склоняется перед его волей. Он выслеживал её годами. Шёл по следам. Искал как одержимый, для которого она стала навязчивой идеей. И однажды нашёл.

Астер замолчал, словно подбирая правильные слова, чтобы передать ужас того, что было.

– Он не знал. Не мог и помыслить, что стреляет не в зверя, а в хранильницу. В душу леса. Для него это была лишь редкая дичь. Он выстрелил. И попал. Когда он подбежал, готовый торжествовать... на снегу лежала не лиса. Лежала девушка. Совсем юная, с волосами белее снега и глазами цвета зимнего неба. Она смотрела на него. Не с ненавистью. С.. глубочайшим недоумением. И бесконечной грустью. Она спросила только одно: «Зачем?»

Софи тихо выдохнула. В её воображении встала эта страшная картина: могущественный лорд и хрупкая, угасающая девушка-дух на алом снегу. Она прижала ладони к тёплой кружке крепче.

– Лоренс онемел, – продолжил Астер, и в его голосе впервые прозвучала не боль, а что-то вроде горького презрения. – В его мире не было места «зачем». Было только «я могу». И в этот

миг явился её отец. Сам Лес. Древний, немой, беспощадный. Он не стал убивать Лоренса. Он посмотрел на него ледяным, бездонным взглядом и произнёс:

«Ты хотел владеть тайной. Теперь тайна будет владеть тобой. Твой род познает обе стороны этого выстрела – и ярость охотника, и агонию жертвы. Твой наследник будет разрываться между двумя сердцами. Он будет вечно бежать от самого себя, и искать ту, в ком горит тот же огонь, что ты погасил. И если найдёт... если душа этой встречи окажется чище твоего выстрела... тогда, может быть, танец на снегу возобновится. А твой род наконец обретёт покой».

Он отпил глоток чая, давая словам осесть в тишине комнаты, наполненной теперь не только их дыханием, но и историей.

– Лоренс прожил недолго. Вскоре он сошёл с ума. Кричал, что за каждым гобеленом, в каждом отблеске льда видит её глаза. А я... я получил в наследство не его трон, а его слепоту. Его неумение видеть, что мир полон не добычи, а жизни.

– Каждую полную луну моё тело становится барсом. Мощным, быстрым, смертоносным. Во мне просыпается ярость хищника, жажда погони. Но проклятие... оно вкладывает в сердце этого хищника душу той Лисы. Я гонюсь за её призраком, а во мне самом кричит её ужас. Я ношу в себе и клыки, и беззащитность. И разум мой разрывается пополам, пытаюсь быть и тем, и другим. Это было невыносимо. До этой ночи.

Астер замолчал, и его взгляд, полный изумления, устремился на Софи. Много лет я искал не понимая, что ищу. Пока не почувял запах твоего пряника. Пока ты... не назвала меня по имени. Игра действительно началась снова. И ставка... – он не закончил, но в его глазах было ясно: ставка – это ты.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на Софи. В его кристально-голубых глазах не было привычной бездны. Была уязвимость. И надежда, тонкая, как первый луч солнца на ледяном окне.

– В эту ночь было иначе. Ты была здесь. Ты не убежала. Ты назвала меня по имени. И зверь услышал. И та Лиса-призрак... она будто потускнела. В первый раз за всю мою жизнь погоня была не абсолютной. Было что-то ещё. Тепло. Твой голос. Твоя рука.

Софи почувствовала, как по её щекам катятся тёплые слёзы. Внутри у неё всё перевернулось. Его слова – «ту, в ком горит тот же огонь», «душа этой встречи», «танец на снегу» – падали в её сознание, как камни в гладь пруда, и на поверхность медленно, неотвратимо всплывало понимание. Это не простая жалость. Это... судьба. Она – часть этого древнего проклятия. Не случайная спасительница, а ключ, который искали. Она не пыталась смахнуть слёзы.

– Значит, я.. – голос её сорвался. Она не могла выговорить это вслух. Значит, я та, кого ты искал? Та, что должна возобновить танец?

– Ты изменила правило игры, – перебил он её, и в его голосе впервые за вечер прозвучала не усталость, а сила. – До тебя был только бег. От самого себя. От своей тени. А ты дала точку отсчёта. Показала, что можно не бежать, а остановиться. И просто дышать.

В этих простых словах теперь звучала не надежда, а осязаемая реальность. Обещание дома. Очага. Той самой тихой точки во вселенной, где проклятие стихало, уступая место вкусу мёда и треску поленьев. Он взял ещё один пряник, но не стал есть, а лишь согревал его в ладони, как будто вбирал в себя само это немыслимое тепло – тепло остановившегося времени, которое она ему подарила.

– Это «Зачем?» ... оно всегда звучало как обвинение. Как приговор. А сейчас... – он поднял на неё взгляд, и в уголках его глаз обозначились лучики тонких морщин, – сейчас оно звучит как вопрос. На который, может быть, есть ответ. Не для Духа Леса. Для нас.

Одно маленькое слово. «Нас». Оно повисло в воздухе, соединив их прочнее любой клятвы.

Они сидели молча, слушая, как потрескивают дрова. Горечь рассказа таяла в тёплом воздухе комнаты, смешиваясь с запахом лаванды, мелиссы и мёда. Тень прошлого больше не была безымянным чудовищем. Теперь у неё было имя – Лоренс. И была форма – не злобы, а трагической, непростительной слепоты. А перед Софи лежал неведомый путь, и она уже ступила на него.

– Значит, – сказала Софи, и её голос, ещё влажный от слёз, приобрёл новую, стальную ноту. – Мы ищем ответ не для него. Мы ищем его для себя. «Зачем ты здесь, Астер?» И... «Зачем здесь я?». Всё остальное – уже не важно.

Астер кивнул. Он выглядел не сломленным, а задумчивым. Как человек, получивший наконец карту местности, где он бесцельно блуждал много лет. И как тот, кто нашёл попутчика.

– Да, – сказал он. – Именно так. Он протянул руку и очень осторожно, почти невесомо, прикоснулся тыльной стороной пальцев к её руке, лежавшей на подлокотнике. Это был не жест утешения. Это была благодарность. И молчаливая клятва. И признание в том, что их судьбы теперь сплетены. Его пальцы были прохладными, но прикосновение оставило на её коже долгое, тёплое пятно – отметину нового договора, подписанного не чернилами, а тишиной и паром от чая.

Мост между ними не был больше хрупким. Он был сплетён из правды, пережитой вместе, и тепла пряника, разделённого пополам. И из нового, пугающего и волнующего знания, которое они теперь делили на двоих.

А пока что в маленькой кофейне «У Серебряной Ветки» пахло лавандой, мелиссой и капелькой мёда. И на двоих оставался ещё один, последний пряник.

Глава 9. Быт ставший ритуалом

Огонь в камине догорал, превращаясь в груды багровых углей. В комнате повисла тяжелая тишина после исповеди. Слова застыли в воздухе и наконец опустились, уступив место простой человеческой усталости.

Софи не помнила, когда глаза её сами собой закрылись. Она проснулась от того, что каждая мышца ныла от непривычной позы в кресле, а шея затекла. В комнате было холодно, огонь почти погас.

Она медленно повернула голову. Астер спал рядом, на том самом мягком пуфе, свернувшись калачиком. Полоса утреннего света, пробивавшаяся сквозь щель в шторах, лежала у него на щеке, словно отмечая его. Он спал на боку, лицом к ней, одна рука подложена под щеку. В расслабленных чертах не было ни следа той внутренней муки, что звучала в его голосе ночью. Только, детская, беззащитная усталость после долгой исповеди. В этой уязвимости было что-то такое, от чего у неё в груди стало тесно.

Софи задержала дыхание. Он позволил себе уснуть. Здесь. Рядом. На свету. После того, как вывернул душу наизнанку. Это осознание ударило тише, но глубже, чем любое услышанное ею слово. Это был самый главный ответ. Ответ доверием.

Она осторожно поднялась накинута халат и, стараясь не нарушить хрустальную тишину в комнате, вышла в кофейню.

В кофейне царил предзакатный полумрак. Здесь пахло её царством: деревом полок, сладкой пылью корицы, сушёными апельсиновыми корками. Она привычным движением щёлкнула выключателем – зажглась маленькая лампа над стойкой, отбросив тёплый круг света на медную кофемолку. Жужжание жерновов, – подумала она. Это и есть заклинание обычного утра.

Она ещё не успела насыпать зёрен, как услышала за своей спиной тихий, но уже знакомый шорох – звук босых ног по дубовому полу. Она не обернулась. Вместо этого её рука потянулась на верхнюю полку, к маленьким фарфоровым чашечкам с тонкими, почти прозрачными стенками. Парадные. Для особых случаев. Для одиноких утренних ритуалов, которые были её маленькой роскошью. Сегодняшнее утро было как раз таким случаем.

« – Доброе утро », – сказала она в пространство, наполняя кофемолку, и её пальцы сами собой нашли два одинаковых блюдца. Пауза. Затем, уже ближе, с той стороны стойки, где обычно стояли клиенты, прозвучал низкий, не выспавшийся голос: – Доброе утро.

Она подняла глаза. Он стоял посреди зала, босиком, в помятых штанах, как потерянный мальчишка в чужом доме. Но его взгляд был спокоен.

Софи налила в турку воды, и поставила на огонь.

– Кофе? – спросила она, поднимая турку. Он немного помолчал, будто пробуя это слово на вкус, – Да, – наконец кивнул он. – Спасибо.

И в этом «спасибо» была благодарность того, кто принимает правила их первого общего дня.

Кофе закипел, подняв тёмную пенку. Софи разлила его по тонким фарфоровым чашечкам. Аромат, густой и властный, заполнил пространство между ними, став ещё одной нитью в зарождающейся ткани их общего быта. Она поставила перед ним чашку и блюдце, а потом, почти не глядя, протянула руку к хлебнице.

Астер не сразу взялся за чашку. Он смотрел на неё, на тёмную, почти чёрную жидкость, в которой дрожала и лопалась румяная пенка. Он осторожно, двумя пальцами, взял её за тончайшую ручку, будто боялся раздавить. Поднёс к лицу, вдохнул запах, и его брови чуть дрогнули.

Софи замерла, наблюдая. Он сделал первый, крошечный глоток. Его глаза на мгновение широко раскрылись от крепости и горечи, губы непроизвольно сжались. Он замер, позволив вкусу заполнить себя. А потом... медленно выдохнул. Только тогда он опустил чашку и посмотрел на неё. В его взгляде было что-то новое. Теперь он знал её утро на вкус.

И лишь после этого Софи, скрывая дрожь в пальцах, отрезала два ломтя вчерашнего ржаного хлеба, ещё пахнувшего тмином, и не спрашивая, намазала их толстым слоем масла, которое сразу начало таять в тепле комнаты. Один она положила рядом со своей чашкой, а второй – на край его блюда, так, что уголок слегка задел фарфор. Не предложение. Не угощение. Простой, молчаливый акт дележа. Вот хлеб. Вот кофе. Вот утро. Мы здесь.

Астер посмотрел на этот простой бутерброд, потом на её руки, быстро убравшие крошки со стойки. Он взял бутерброд. Откусил. Прожевал медленно, запивая маленькими глотками ароматного кофе. Он украдкой взглянул на нее и в его взгляде было признание этого жеста как первого, и главного закона их общего мира.

Они допили кофе в тишине, но тишина эта была уже не неловкой, а насыщенной. Как воздух после грозы.

Софи собрала чашки, и уже было, повернувшись к раковине на мгновение замедлилась. Её взгляд скользнул по полкам и невольно, как это случалось раз в год, задержался на старой музыкальной шкатулке в углу, изображавшей замерзшее озеро, по которому кружилась пара миниатюрных фигурок. Мамин подарок на шестнадцатилетие. «Чтобы в твоей жизни всегда был вальс», – сказала тогда мама. Теперь фигурки были неподвижны, а лёд под ними казался не прозрачным, а мёртвым, покрытым пылью. Она задержала взгляд на долю секунды дольше, чем нужно, и глубокая, знакомая грусть тенью легла на её лицо, прежде чем она успела её спрятать.

Астер, сидевший за столом, заметил её взгляд. Увидел, как сжались уголки её глаз, как губы на мгновение стали тоньше. Он уловил эту молниеносную волну печали, прошедшую по её лицу, и этого было достаточно.

Когда она отвернулась к раковине, он встал. Беззвучно подошёл к полке. Взял шкатулку в руки, ощутив её вес, холод фарфора. Он рассмотрел сцену: крошечные фигурки, припаянные к треснувшему «льду». Это был не просто сломанный механизм. Это было застывшее воспоминание о счастье. И это он понимал лучше, чем кто-либо.

Он принёс шкатулку к столу, сел. Нашёл ключ. Его большие пальцы, казалось бы, созданные для грубой силы, с невероятной нежностью исследовали механизм. Он не просто чинил. Он распутывал узел времени, освобождая пленённый танец.

Раздался тихий, чистый щелчок. Он вставил ключ, повернул.

И зазвучала музыка. Тот самый старомодный, чуть грустный вальс. А на ледяной глади миниатюрного озера фигурки – кавалер и дама – дрогнули и начали медленно, плавно кружиться. Пыль с них осыпалась, как иней под солнцем.

Софи обернулась на звук. Она увидела танцующую пару, и его, сидящего напротив со склонённой над шкатулкой головой. В её горле встал ком, перехватывая дыхание. Он не просто починил игрушку. Он вернул ей мамин подарок. Он вернул ей вальс.

– Спасибо, – выдохнула она, и голос её сорвался на шёпот. Он поднял на неё глаза.

В его кристально-голубом взгляде было безмолвное сопереживание тому, что он сделал. И тихое удовлетворение от того, что смог отогнать тень с её лица.

Звук вальса, нежный и настойчивый, заполнил кофейню. Он стал их первой общей музыкой.

Мелодия из шкатулки смолкла, оставив после себя звенящую, счастливую тишину. Софи вытерла уже сухие чашки. Её взгляд упал на почти пустую хлебницу, затем на корзину, где лежало одно-единственное, сморщенное яблоко. Нужно идти в лавку. Мысли о предстоящих

покупках – молоко, хлеб, яблоки – на ложились на лёгкое беспокойство. Оставить его одного? На целый час?

Она потянулась за своим шерстяным платком и, завязывая узел под подбородком, услышала за своей спиной тихий, но твёрдый голос:

– Я пойду с тобой.

Софи обернулась. Астер стоял посреди комнаты. Он уже встал, пока она размышляла. В его позе не было прежней осторожной неуверенности. Была собранность.

– Там будет людно, – мягко сказала она, – Знаю, – ответил он, – Я помогу нести. И.. – он на секунду запнулся, как будто следующий аргумент был самым важным. – Яблоки нужно купить. Свежие.

Эти слова прозвучали не как просьба, а как констатация совместной необходимости. Он уже считал себя ответственным за пополнение запасов этого дома.

Софи замерла, глядя на него. Этот простой, бытовой порыв тронул её сильнее любого высокопарного жеста. Он не просто боялся отпустить её. Он хотел участвовать. Хотел внести свой вклад в их общий быт. – ...И молоко, – добавила она, скрывая улыбку. – И молоко, – серьёзно подтвердил он, кивнув, как будто только что принял важную стратегическую задачу.

Он подошёл к грубому деревянному шкафу у двери. Там висели её плащи, лежали её шарфы и стояла её обувь. Ничего мужского. Астер остановился, его решимость на мгновение дала трещину перед этой простой, бытовой преградой.

«Софи увидела его растерянный взгляд – Подожди здесь», – сказала она, уже накидывая шерстяной платок на плечи. – Я схожу к Мирону. У него наверняка что ни будь найдётся.

Старый столяр Мирон жил через два дома. Он был суровым и немногословным, но с прямым, честным взглядом человека, который ценит дела выше слов. Иногда он чинил для Софи полки, принимая оплату в виде свежего штруделя. Она постучала в его дверь, и когда тот появился в проёме, в облаке запаха сосновой стружки и лака, она, не церемонясь, выпалила: – Мирон, у вас есть старая обувь? И тёплый плащ? Мужские. Ненадолго. Для... гостя.

Мирон поднял седую бровь, оглядел её с ног до головы, но вопросов не задал. Просто кивнул и скрылся в глубине мастерской. Через пять минут он вернулся, неся пару поношенных, но крепких сапог на меху и большой, выцветший на солнце армейский бушлат. – Сыновы, – буркнул он. – Забирай. Небось, замёрз, твой гость-то.

– Спасибо, – искренне сказала Софи, принимая свёрток. – Я... я потом объясню. – Не надо объяснять, – отмахнулся старик. – Видно же, человеку помощь нужна. Возвращай, как будет не нужно.

Когда она вернулась в кофейню, Астер стоял у окна, всё так же босой. Он обернулся на звук двери, и его взгляд упал на вещи в её руках. – От соседа, – пояснила она, протягивая ему сапоги. – Примеряй.

Он с осторожностью взял их, присел на стул, и натянул. Сапоги сидели почти впору, лишь чуть свободно. Потом он надел бушлат – грубый, пахнущий лесом и дымом. В этой простой, чужой одежде он вдруг стал выглядеть своим. Не королём, а просто мужчиной, который собирается на рынок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.